

Права и свободы человека в контексте процесса цифровизации. Анализ негативных политических эффектов, возникающих при реализации проектов «умных городов»

Л.В. Томин¹, А.А. Балаян²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет;

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург

leopolit@yandex.ru, alexandr1138@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу основных подходов к цифровизации и реализации проектов «умных городов» в контексте трансформации политико-административного режима управления демократических политических систем. Рассматривая особенности неолиберального подхода к управлению, авторы раскрывают специфику теоретической концептуализации и реализации на практики платформенной экономикой в контексте последствий для государства, крупного бизнеса и общества. На конкретных примерах исследуются причины, особенности формирования и внедрения проектов «умных городов», а также общественная реакция на подобные действия со стороны власти и общества в демократических политических системах.

Ключевые слова: «умный город», неолиберализм, цифровизация, городское управление, большие данные

Библиографическая ссылка: Томин Л.В., Балаян А.А. Права и свободы человека в контексте процесса цифровизации. Анализ негативных политических эффектов, возникающих при реализации проектов «умных городов» // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск 3 (Труды XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19 – 22 июня 2019 г. Сборник научных трудов). — СПб: Университет ИТМО, 2019. С. 144 – 154. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-144-154

1. Введение: методология

В сегодняшней культуре и общественном сознании развитие цифровых технологий принято рассматривать преимущественно в позитивном ключе. Цифровизация, блокчейн, большие данные - эти термины неизменно употребляют в контексте обсуждения инновационного развития и демократизации процессов управления. Но цифровизация, как и другие процессы, производит как позитивные, так и негативные эффекты, связанные в том числе с политико-административным контекстом, в которых они существуют. Одна из наиболее обсуждаемых тем, связанных с цифровизацией - это «умные города», активно рекламируемая модель трансформации управления городским пространством, основанная на интегрированной системе информационных и коммуникационных технологий. Основными целями данного исследования являются: изучение сегодняшнего экономического и политического контекста процесса цифровизации и реализации проектов «умных городов», анализ трансформации управленческих практик в условиях цифровизации государственного управления и экономики, рассмотрение на некоторых примерах негативных социально-экономических и политических эффектов, возникающих в

контексте процессов цифровизации и внедрения модели «умных городов» в демократических политических режимах.

Для концептуального анализа обозначенных проблем мы используем методологию «исследований правительности» («governmentality studies»). Она включает в себя: исследование дискурсивных практик и процессов производства знания, легитимирующих модель управления, генеалогию типов субъективности, формируемых для ее функционирования и воспроизводства, и, наконец, практик сопротивления [5, с. 101]. Помимо этого, в исследовании использовалась постопераистская методология [22, р. 80] в контексте трансформации процесса накопления капитала и тип отношений производственных единиц (заводов) с другими городскими сферами. В частности, подобные методологические подходы более подробно раскрываются в концепции «социальной фабрики» М. Тронти, согласно которой социально-экономическая логика развитого фордизма анализировалась как система тотального подчинения города как социального целого нуждам своей части – заводу [22, р. 78]. А. Негри и М. Лаццарато, в своих исследованиях трансформации логики накопления капитала и формирования стоимости, переформулировали изначальный тезис М. Тронти. В системе постфордизма деления города на производственные и непроизводственные пространства более не существует, он весь стал тотальным пространством биополитического производства.

2. Умный город: между утопией и реальностью

Проекты «умных городов» описываются их разработчиками как новая модель городского управления, основанная на интегрированной системе информационных и коммуникационных технологий, позволяющая эффективно управлять городской инфраструктурой, обеспечивать новое качество предоставляемых общественных услуг, экономить ресурсы и в целом улучшать качество жизни граждан [17, р. 3-15].

По проблематике «умных городов» существует обширная литература, в которой подробно исследована генеалогия данной концепции, сложившейся как специфическая артикуляция элементов различных теорий городского планирования и основанных на новых технологиях предложений по информатизации городского управления [12, р. 305-307]. Во-первых, это концепция «разумного роста» (smart growth), разработанная в рамках американского «Нового урбанизма» в 1980-е годы. Согласно этой концепции, разумный рост, основанный на устойчивом развитии и сохранении городской специфики, должен сменить индустриальную модель экстенсивного, унифицированного и экологически расточительного роста городов [23, р. 884-886]. Во-вторых, это концепция «интеллектуального города», (intelligent city) построенная на соединении возможностей индивидуального, коллективного и искусственного интеллекта благодаря информационным и коммуникационным технологиям. «Интеллектуальный город», по мнению авторов данной концепции, должен стать инновационным, креативным и инвестиционно-привлекательным пространством [15, р. 122-123].

Среди исследователей весьма подробно рассматриваются различные теоретические аспекты концепции «умных городов» и эффектов их реализации на практике. Необходимо отметить, что большинство авторов настроены оптимистически: для них модель «умного города» – универсальный инструмент решения большинства современных проблем (энергоэффективность, общественная безопасность, управление транспортом) [6]. Подобная литература сосредоточена на рассмотрении успешно реализуемых кейсов и описании радужных перспектив, открывающихся в будущем. Существует сегмент литературы взвешенно нейтральный, где анализируются как позитивные, так и негативные эффекты. Среди проблем обычно отмечаются вопросы безопасности, которые могут возникнуть при хакерском взломе или террористической атаке инфраструктуры «умного города» [14].

Существуют и противники модели, они полагают, что концепция «умного города» в её нынешнем виде - идеологический нарратив крупнейших IT-корпораций, расширяющих рынок сбыта своей продукции и инфраструктуру по сбору и монетизации больших данных [21]. Критически настроенные исследователи не против самой идеи внедрения информационных и коммуникационных технологий с целью улучшить качество жизни и наладить эффективное и бережливое управление городской инфраструктурой и общественными услугами. Они полагают, что процесс цифровизации, встроенный в неолиберальную логику, усиливает дедемократизацию и формирует технократическую систему управления, нацеленную на нерегулируемое извлечение прибыли, при этом игнорирующую негативные социально-экономические последствия.

Кроме того, существуют работы, посвященные исследованию уже реализуемых проектов «умных городов» [19]. Таким образом, одним из пробелов большей части существующих исследований является недостаточное внимание к отрицательным социально-экономическим и политическим эффектам, возникающим при воплощении проектов «умных городов». Существуют отдельные работы с критикой «умных городов» как новой версии неолиберального урбанизма, способствующей усилению негативных тенденций, как в развитых, так и в развивающихся странах [20, р. 70-86]. Необходимо больше внимания уделить возможным угрозам, поскольку цифровизация городов несет с собой опасность усиления государственного и корпоративного контроля за гражданами и как следствие – эрозии демократических политических институтов и выхолащиванию гражданских прав и свобод. Данный вопрос приобретает дополнительную актуальность в контексте авторитарных и гибридных политических режимов, использующих новые технологии для своего укрепления и имитации гражданского участия в управлении.

3. Неолиберальная модель управления

Анализируя неолиберализм как модель управления, мы опираемся на работы Л. Болтански, И. Кьяпелло [1], П. Дардо, К. Лавала [9]. Теоретическая рамка, разработанная этими авторами, позволяет системно анализировать политические эффекты неолиберализма (трансформации управленческих практик и формируемых типов субъективности). Основным недостатком традиционного анализа неолиберализма является рассмотрение его исключительно как экономической политики. Неолиберализм представляет собой более сложный и глубокий феномен. Это не просто разновидность экономической политики или идеология свободного рынка, а новая политическая рациональность и даже способ существования [9, р. 3].

Неолиберализм в отличие от классического либерализма не устанавливает пределы вмешательства государства в экономику или частную жизнь индивида, он генерализирует рыночные принципы, делая их моделью для государственного управления и регулирования всех сфер жизни общества. Другим важным отличием является понимание рынка не как естественной саморегулирующейся системы, автономии, которой должно признать государство. Неолиберальная система управления, основана на специфическом типе вмешательства государства, нацеленного на маркетизацию системы политико-административного управления, сферы общественных услуг и отношений внутри социума. Она функционирует и воспроизводится посредством определенных форм субъективации индивидов. Неолиберальный тип субъективности формируется в диспозитиве, состоящем из экономических, социальных, политических, юридических элементов, проникнутых общей логикой.

В этой связи необходимо рассмотреть типы субъективности, характерные для неолиберальной модели управления и их дальнейшее развитие в условиях процессов цифровизации.

Первый тип – «предприниматель». Происходит генерализация предпринимательской логики, каждый индивид формируется и постоянно помещается в систему, где он должен

действовать как предприниматель. В основе подобного подхода лежат идеи об универсальности экономической логики и возможности рассмотрения любого феномена с точки зрения рационального и эгоистичного актора, существующего в рамках постоянной конкуренции. Каждый индивид должен мыслить и действовать как фирма, рационально использующая имеющиеся традиционные ресурсы (время, деньги), самого себя (человеческий капитал) и имеющиеся социальные связи (социальный капитал) [9, p. 265-268]. Цифровизация же доводит эту логику до конца, социальные сети и многие приложения, например Instagram, усиливают тенденцию формирования субъективности по модели предпринимателя и логики фирмы. Теперь каждый может быть не просто фирмой, а интернет-стартапом, монетизирующим просмотры видео или фотоматериалов, создавать свой аккаунт как личный бренд. Появление интернет-трейдинга и криптовалют создало впечатление, что любой может быть инвестором даже при отсутствии значительного стартового капитала.

Второй тип – «потребитель». В данном случае происходит генерализация потребительской логики, все сферы и отношения в них конструируются по модели производитель – потребитель. Механизм оценки индивидом посредством потребительского выбора эффективности акторов в любой из сфер понимается как основа свободного общества. Это можно назвать новой моделью суверенитета – суверенитетом потребителей. Механика функционирования социальных медиа и различных приложений сделали эту логику почти универсальной. Появилась возможность оценить работу или оставить свой отзыв почти обо всем, от кафе и гостиницы до университета и органов государственной власти [13, p. 46-56]. Причем важно, что подобные оценки и отзывы перестают быть просто общим знанием или мнением, которым мы делимся с другими, они аккумулируются и монетизируются сайтами вроде TripAdvisor, Booking.

Третий тип – «должник». Посредством финансиализации всех сфер жизни индивида, формируется особый тип субъективности – должник (ипотека, образовательный кредит). Кредит и долг в рамках неолиберализма выполняют не столько экономическую функцию, они являются формами биополитической власти над индивидом, позволяющей политико-административной системе осуществлять контроль более экономно, поскольку индивид, помещенный в логику «жизни в кредит» начинает дисциплинировать сам себя [16, p. 128-137]. Это тип в эпоху цифровизации получает дальнейшее развитие за счет технологии интернет-банкинга, кроме того растет степень подчинения индивида банкам, которые активно работают с большими данными, формируя свои, в большинстве случаев, не прозрачные алгоритмы и рейтинги клиентов.

4. Роль платформ

Цифровизация, будучи встроенной в управленческую логику, экономические и политические институты неолиберализма, воплотилась в модель, которую Н. Срничек назвал «капитализмом платформ» [7], а Ш. Зубофф «капитализмом наблюдения» («surveillance capitalism») [25]. При несколько различном описании генеалогии предложенных моделей, их объединяет общий тезис – основным источником дохода для многих крупнейших современных компаний (Google, Facebook) является монетизация данных. Эти данные компании получают с помощью продуктов и сервисов, предоставляемых пользователям бесплатно (социальные сети, поисковые системы, приложения). После сбора и обработки, данные используются для привлечения рекламы непосредственно на платформы (Google, Facebook) или продаются другим компаниям. Так, в последние годы на рынок поступают новые продукты, способные извлекать данные из повседневной жизни индивидов («умные часы», медицинские гаджеты, «умные колонки»).

Города становятся большими «социальными фабриками» биополитического производства, где платформенные компании, обладая информационной и коммуникационной инфраструктурой, встраиваются в социальные взаимодействия, как

механизм-посредник, аккумулируют и монетизируют данные извлеченные из них. Модель «умного города», продвигаемая ими — это новый рынок продажи своей продукции и услуг, контракты с государственными и городскими властями и новый источник больших данных. В контексте процессов цифровизации и реализации проектов «умных городов», которые во многом инициированы крупнейшими IT-компаниями, именно платформы, контролирующие информационную и коммуникационную инфраструктуру, получают огромные преимущества перед конкурентами. В логике неолиберальной глобализации именно наиболее мобильный капитал диктует свои условия конкурентам на рынке и правительствам [1, с. 616].

Процесс цифровизации, подчиненный логике неолиберальной модели управления, еще больше усиливает ее негативные технократические тенденции. Например, алгоритмизация процесса принятия решений в различных сферах создает ситуацию непрозрачности и неподконтрольности действий государственных или рыночных акторов для гражданина. Поскольку «...алгоритмические системы – это и есть пресловутые «черные ящики», потому что они производят в мире материальные эффекты, не всегда раскрывая то, как они их произвели. Эта непрозрачность мешает нам понять, действуют ли алгоритмы, которые с нами работают, в соответствии с нашими ценностями. (...) Говоря простыми словами, некоторые стороны извлекают выгоду из того факта, что мы не понимаем, как действуют инструменты, используемые для того чтобы нас ранжировать и упорядочивать. А это приводит к ярко выраженной и опасной асимметрии в мире, где те, кто в состоянии влиять на наши жизни, знают о нас намного больше, чем мы знаем или когда-либо сможем узнать о них» [3, с. 328-329].

Влияние цифровизации, подчиненной технократической логике неолиберальной модели управления, в демократических странах усиливает деполитизацию отношений гражданина и государства и еще дальше смешает соотношение сил между трудом и капиталом в пользу последнего. Многие исследователи полагают, что следование неолиберальным принципам фактически означает «захват государства» («state capture») крупнейшими корпорациями. «Сейчас государство несет важную обязанность - осуществлять материально-техническую и инфраструктурную поддержку олигополий, привлекать крупнейшие из них на управляемую им национальную территорию. Это затрагивает самые разные области: научные исследования, университеты, транспорт, налоговые льготы, культурную среду и урбанизацию, гарантию рынков сбыта. (...) Конкурентоспособное государство — это не государство как арбитр между интересами, а государство как партнер олигополистических интересов в глобальной экономической войне» [9, р. 243-246].

Модель «умного города» продвигается крупнейшими IT-компаниями (Cisco, IBM, Google, Microsoft, Schneider Electric, Siemens). Они рассчитывают заработать на огромных государственных и городских контрактах и монетизации собранных больших данных. Например, формирование интернета-вещей предполагает подключение к сети огромной части физических объектов (эксперты Cisco оценивают этот рынок в 19 трлн. долларов).

В связи с этим необходимо объяснить оптимизм в отношении модели «умного города» большинства урбанистов. Почему многие из них некритически воспроизводят основные тезисы властей или корпораций? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению – интериоризация ими неолиберальной логики, в рамках которой городское пространство рассматривается, прежде всего, как объект инвестирования избыточного капитала. Причем в условиях, максимально благоприятных для капитала, когда государство фактически полностью встает на его сторону и игнорирует негативные социально-экономические эффекты, возникающие в условиях реализации подобной политики. Л. Вакан отметил, что урбанистика в последние десятилетия подчинена неолиберальной политике «по мере того, как эта научная дисциплина становится все более и более привязанной к точке зрения власть имущих. Обе тенденции, в свою очередь, выявляют и усиливают смещение роли государства от источника социальной поддержки для малообеспеченных слоев населения к поставщику деловых услуг и благ для горожан средних и высших классов: в их числе

очистка застройки и улиц от материального и человеческого мусора, оставленного там разрегулированием экономики и сокращением расходов на социальную поддержку» [2].

Модель «умного города», основанная на использовании больших данных, рекламируется как образец продуманного развития и ревитализации территорий. В реальности, даже в экономически и технологически развитых странах реализованных полностью проектов не так много. При этом существует пример южнокорейского бизнес-округа Сонгдо, построенного с нуля, который должен был стать образцовым «умным городом». Реализация проекта началась в 2002 году, планируемое население – полмиллиона человек, общий объем инвестиций – 35 млрд. долларов. Большая часть расходов взяли на себя власти соседнего Инчхона. Сонгдо на бумаге выглядел как воплощенная утопия – зеленый, высокотехнологичный технополис с информационно интегрированной городской инфраструктурой, управляемой интерактивными панелями, расположенными на улицах, здания с автоматическим климат-контролем и оснащенные сенсорами системы электроснабжения и обработки мусора [16].

Вместо утопии получилась скорее антиутопия с пустыми улицами, домами и офисными зданиями. По данным 2018 года население города составляет около 100 тысяч человек, жилые районы заполнены на 25%, притом, что из запланированных в проекте зданий возведено всего около половины. Впрочем, инвесторы не оставляют надежд продолжить реализацию проекта, теперь они делают ставку на привлечение богатых иностранцев в элитный микрорайон под названием «Американский город» [16]. Для большинства экспертов провал данного проекта уже очевиден. С точки зрения оценки эффективности вложений в «умные города» пример Сонгдо особенно важен, поскольку Южная Корея – одна из наиболее экономически развитых и высокотехнологичных стран мира, где средний уровень доходов населения очень высок. В таких условиях можно было надеяться на успешную реализацию и окупаемость проекта, но реальность скорректировала радужные надежды.

Другой пример, подтверждающий присущую проектам «умных городов» технократическую логику – Рио-де-Жанейро. В преддверии Чемпионата мира по футболу и Олимпиады городские власти в сотрудничестве с IBM построили Операционный центр (Operations Center), занимающийся обработкой больших данных. Он собирает и сводит вместе: изображения с камер наблюдения, информацию об общественном транспорте, записи в социальных сетях и метеоданные. Основная проблема «умного» Рио-де-Жанейро – данные, собранные Операционным центром, доступны только властям. Вместо открытой и полезной горожанам технологической среды отчуждение граждан от власти возросло. Кроме того, цифровизация города в условиях социальной поляризации, когда значительная часть горожан проживает в фавелах, только усилила существующее неравенство. Дорожные камеры, которыми управляет Операционный центр, расположены в благополучных районах города [10, p. 57-58]. Бедные районы и фавелы так же могут ощутить на себе работу центра обработки данных: «с помощью системы можно направлять отряды полиции в бедные районы города, чтобы держать их под контролем и пресекать выражение недовольства. Полицейский батальон особого назначения, который Amnesty International и другие правозащитные организации много лет упоминают в контексте нарушения прав жителей [4, 11].

5. Корпоративный «умный город»

Свои технологические предложения для «умных городов» существуют у многих корпораций Силиконовой долины, Google уже работает по ряду контрактов, а Facebook в свою очередь разрабатывает проект «Zee town», который должен стать частным муниципалитетом, прилегающим к штаб-квартире компании в Менло-Парк. Учитывая финансовую, технологическую и лоббистскую силу, Facebook вскоре может стать важным игроком на глобальном рынке поставки и эксплуатации информационно-

коммуникационной инфраструктуры для умных городов. В связи с этим важно рассмотреть насколько данная компания соблюдает принципы прозрачности и инклюзивности.

Поскольку «Zee town» пока существует только в виде проекта, для понимания принципов и практик работы Facebook обратимся к деятельности, приносящий им основной доход – рекламе. Алгоритм размещения и доставки рекламы – подходящий пример для анализа соответствия основных технологий принципам публичной политики демократического государства. Если компания претендует на владение, частичное или полное управление инфраструктурой «умного города», вполне логично обратить внимание на принципы и практики ее работы.

Исследователи обнаружили в рекламном бизнесе Facebook алгоритмы, дискриминирующие людей на основе их расы и гендера. Они встроены в основные механизмы и параметры размещения и доставки рекламы. Полный алгоритм ее функционирования является секретом компании и скрыт от общественности с помощью закона о коммерческой тайне и соглашения о конфиденциальности. Система рекламы в компании состоит из двух элементов. Сначала рекламодатель выбирает интересующие его сегменты пользователей для таргетинга по различным критериям, затем Facebook на основе анализа посещения пользователями страниц и приложений настраивает показ рекламы, подстраивая их под исходные параметры, заданные заказчиком [8].

Помимо таргетинга на основе данных биографии человека или его интересов, система позволяет исключать отдельные группы из рекламной аудитории. Среди критериев, по которому могут исключаться группы – «этническая общность» («ethnic affinity»). Фирма может настроить рекламную кампанию, в которую не попадут афроамериканцы, американцы азиатского происхождения или латиноамериканцы. Американские законы о гражданских правах (1964) о справедливом жилье (1968) запрещают размещать подобную рекламу. Реагируя на предъявленные претензии, представители Facebook заявляют, что возможность настройки рекламы с помощью критерия «этнической общности» – не дискриминация, а наоборот положительный пример мультикультурной рекламы [8].

Сомнительные практики помимо этапа таргетинга, существуют и при доставке рекламных сообщений. Исследования доказали, что алгоритмы доставки рекламы Facebook во многом основаны на расовых и гендерных стереотипах. В ходе эксперимента при размещении рекламы на платформе были заданы максимально инклюзивные параметры, единственный критерий – проживание в США. Сначала были размещены рекламные объявления о поиске кандидатов на различные вакансии. В итоге реклама вакансии кассира в супермаркете в 85% случаев показывалась женщинам, секретаря тоже, причем в подавляющем большинстве – белым, а таксиста – мужчинам афроамериканцам (75%). При размещении рекламных объявлений о продаже и аренде жилья, результаты исследования так же выявили встроенную в алгоритмы дискриминацию. Объявления о продаже жилья, в зависимости от объекта, показывались белым пользователям в 75-85% случаев. В ситуации с арендой жилья доставка рекламы пользователям была более сбалансирована с точки зрения цвета кожи [8].

Возрастающая экономическая и политическая власть IT-корпораций хорошо видна, на примере упоминавшихся выше платформенных компаний, получивших монопольное положение во многих сферах, за счет сетевых эффектов, действующих благодаря интегрированной информационной и коммуникационной инфраструктуре. Ее наличие способствует постоянному расширению платформенных компаний в новые сферы. «Умный город» в таком политико-экономическом контексте будет в основном полезен как маркетинговая машина по сбору и продаже данных для микротаргетинговых рекламных кампаний [18]. Кроме того, возникает угроза «корпоративного поглощения» города и приватизации публичного пространства и городской инфраструктуры.

Подобные опасения последние годы сопровождают часть жителей Торонто. В начале апреля 2019 года активисты инициативной группы #BlockSidewalk потребовали от властей Торонто аннулирования контракта с Sidewalk Labs, подразделением Google, занимающейся

трансформацией района Кисайд по модели «умного города». Протестующие отвергают проект по причине его чисто технократического и рыночноцентрированного характера, где главное – сбор и монетизация больших данных, люди в такой системе не самостоятельные субъекты, а «лабораторные крысы» [24]. Активистов #BlockSidewalk уже поддержала Канадская ассоциация гражданских свобод, призвав городских власти полностью прекратить реализацию проекта, поскольку он нарушает конституционные права граждан. Депутат национального парламента Адам Вон на встрече горожанами назвал данный проект примером формирования пугающей модели «капитализма наблюдения» («surveillance capitalism»), проникновения которой в Канаду стало возможно по причине отсутствия необходимых политических ориентиров и законодательства в сфере больших данных и приватности [24].

С точки зрения защиты приватности и угрозы усиления полицейского контроля наиболее дискуссионный элемент «умного города» – это интегрированная система камер наблюдения, оборудованная технологией распознавания лиц. Существует множество компаний, предлагающих властям и полицейским управлениям технологические решения при разработке программ «предсказания места и времени преступлений» («predictive policing»). Наиболее известная из таких компаний – Predpol, она уже имеет десятки контрактов с полицейскими управлениями в разных странах. Внедрение в ряде американских городов предикативных алгоритмов в рамках создания системы «умной охраны правопорядка» продемонстрировало многие негативные эффекты попыток технологизации процессов принятия решений. Система Predpol, нацеленная на выявление мест, в которых с высокой вероятностью могут произойти преступления и модель «горячего списка» (heat list) – алгоритмически составленный индекс из 1400 жителей города, в будущем могущих стать преступником или жертвой преступления. В США применение подобных инструментов часто приводит к увеличению неоправданных обысков и задержаний, особенно среди афроамериканцев. Эксперты указывают, что алгоритмизация в сфере охраны правопорядка может способствовать воспроизводству расовой дискриминации на новом технологическом уровне [3. с. 307-318].

6. Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что в сегодняшних условиях, будучи встроенной в неолиберальную логику управления, модель «умного города» усиливает ее основные негативные социально-экономические и политические эффекты. Надежда на то, что внедрение цифровых технологий само по себе будет способствовать демократизации процессов управления и вовлечению населения в процессы принятия решений – иллюзорна. Технологии автоматически не меняют соотношение сил в политической и экономической сферах, государства и корпорации внедряют их, прежде всего для усиления собственных позиций и приобретения дополнительных инструментов контроля и извлечения прибыли. В условиях, когда основные проекты «умных городов» разрабатываются и реализуются под контролем и в интересах властей и/или корпораций, они не могут способствовать внедрению реальных партисипаторных механизмов формирования и обсуждения городской политики. Наоборот «умные города» способствуют дедемократизации и технократизации управленческих процессов и усиливают логику перманентного полицейского контроля за населением.

Большинство сегодняшних проектов «умных городов» - эффект «калифорнийской идеологии» (термин Р. Барбрука), технооптимистической разновидности неолиберализма, приспособленной под экономическую модель, основанную на извлечении и монетизации «больших данных». Гражданские активисты и обычные жители во многих странах уже осознали существующие угрозы и начали протестовать. Их беспокоит, что власти и корпорации могут получить новые инструменты контроля и управления поведением населения. В связи с этим как никогда актуальной становится концепция «права на город»

французского философа и социолога Анри Лефевра, основанная на принципах радикально демократической и эгалитарной трансформации социально-экономических и политических структур городского управления.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости» № 19-18-00210

Литература

- [1] Болтански Л., Кьяпелло И. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрения, 2011.
- [2] Вакан Л. Переосмысление джентрификации // Социальный компас. URL: <http://www.socialcompas.com/2015/12/22/pereosmyslenie-dzhentrifikatsii/> (дата обращения: 28.04.2019).
- [3] Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом «Дело», 2018.
- [4] Гринфилд А. Построим город-сад // BRICS business magazine. URL: <https://www.thenation.com/article/google-toronto-sidewalk-gentrification/> (дата обращения: 28.04.2019).
- [5] Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Дело, 2016.
- [6] Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня. Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М.: Изд-во Института Гайдара. 2017.
- [7] Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- [8] Ali M., Sapiezynski P., Bogen M., Korolova A., Mislove A., Rieke A. Discrimination through optimization: How Facebook's ad delivery can lead to skewed outcomes // Arxiv.org. URL: <https://arxiv.org/pdf/1904.02095.pdf> (дата обращения: 27.03.2019).
- [9] Dardot P., Laval C. The New Way of the World: On Neoliberal Society. London - New York: Verso, 2017. 352 p.
- [10] Gaffney C., Robertson C. Smarter than Smart: Rio de Janeiro's Flawed Emergence as a Smart City // Journal of Urban Technology. 2016. Vol. 25, № 3. P. 47-64.
- [11] Greenfield, A. Against the Smart City. Do Projects: New York. 2013.
- [12] Hollands R. Will the Real Smart City Please Stand Up? // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2008. Vol. 12, № 3. P. 303-320.
- [13] Keen A. The Cult of the Amateur: How Today's Internet Is Killing Our Culture. Currency. 2007.
- [14] Kitchin R., Dodge M. The (In)Security of Smart Cities: Vulnerabilities, Risks, Mitigation, and Prevention // Journal of Urban Technology. 2019. Vol. 26, № 2. P. 47-65.
- [15] Komninos, N. Intelligent Cities and Globalisation of Innovation Networks. Routledge, 2008.
- [16] Lazzarato M. The Making of the Indebted Man: An Essay on the Neoliberal Condition. Semiotext(e). 2012.
- [17] Morozov E. To Save Everything, Click Here: the Folly of Technological Solutionism. New York: Public Affairs, 2013
- [18] Ranchordas S. Nudging citizens through technology in smart cities // International Review of Law, Computers & Technology. 2019. Vol. 33.
- [19] Shelton T., Lodato T. Actually existing smart citizens // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2019. Vol. 23, № 1. P. 35-52.
- [20] Smart urbanism. Utopian vision or false dawn? / Eds. S. Marvin, A. Luque-Ayala, C. McFarlane. Routledge, 2015
- [21] Soderström O., Paasche T., Klausner F. Smart cities as corporate storytelling // City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action. 2014. Vol. 18, № 3. P. 307-320.
- [22] Thoburn N. Deleuze, Marx and Politics. Routledge, 2003.

- [23] Vanolo A. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy // Urban Studies. 2014. Vol. 51, № 5. P. 883–898.
- [24] Zarum L. #BlockSidewalk's War Against Google in Canada // Nation. URL: <https://www.thenation.com/article/google-toronto-sidewalk-gentrification/> (дата обращения: 28.04.2019).
- [25] Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. PublicAffairs, 2019.

Human Rights and Freedoms in the Digitalization Process Context. Analysis of Negative Political Effects of the «Smart City» Projects Implementation

L.V. Tomin¹, A.A. Balayan²

¹ Saint Petersburg State University;

² National Research University «Higher School of Economics» - St. Petersburg

The article is devoted to the analysis of the main approaches to digitalization and the implementation of “smart city” projects in the context of the transformation of the administrative-state management of democratic political systems. Considering the specifics of the neoliberal approach to management, the authors reveal the specifics of the theoretical conceptualization and implementation of the practice of the platform economy in the context of the consequences for the state, large business and society. With specific examples, the causes, features of the formation and implementation of “smart city” projects, as well as the public reaction to such actions by the authorities and society in democratic political systems are investigated.

Keywords: «smart city», neoliberalism, digitalization, urban governance, big data

Reference for citation: Tomin L.V., Balayan A.A. Human Rights and Freedoms in the Digitalization Process Context. Analysis of Negative Political Effects of the «Smart City» Projects Implementation // The State and Citizens in the Electronic Environment. Vol. 3 (Proceedings of the XXII International Joint Scientific Conference «Internet and Modern Society», IMS-2019, St. Petersburg, June 19-22, 2019). – St. Petersburg: ITMO University, 2019. P. 144 – 154. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-144-154

Reference

- [1] Boltanski L. K"yapello I. Novyj duh kapitalizma. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. (In Russian)
- [2] Vakan L. Pereosmyslenie dzhentifikacii // Social'nyj kompas. URL: <http://www.socialcompas.com/2015/12/22/pereosmyslenie-dzhentifikatsii/> (access date: 28.04.2019). (In Russian)
- [3] Grinfeld A. Radikal'nye tekhnologii: ustrojstvo povsednevnoj zhizni. Moskva: Izdatel'skij dom «Delo», 2018. (In Russian)
- [4] Grinfeld A. Postroim gorod-sad // BRICS business magazine. URL: <https://www.thenation.com/article/google-toronto-sidewalk-gentrification/> (access date: 28.04.2019). (In Russian)
- [5] Din M. Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshchestvah. M.: Delo, 2016. (In Russian)
- [6] Ratti K., Klodel M. Gorod zavtrashnego dnya. Sensory, seti, hakery i budushchee gorodskoj zhizni. Izdatel'stvo Instituta Gajdara. 2017. (In Russian)
- [7] Srnichek N. Kapitalizm platform. M.: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2019. (In Russian)

- [8] Ali M., Sapiezynski P., Bogen M., Korolova A., Mislove A., Rieke A. Discrimination through optimization: How Facebook's ad delivery can lead to skewed outcomes // Cornell University. URL: <https://arxiv.org/pdf/1904.02095.pdf> (access date: 27.03.2019).
- [9] Dardot P., Laval C. *The New Way of the World: On Neoliberal Society*. London - New York: Verso, 2017. 352 p.
- [10] Gaffney C., Robertson C. Smarter than Smart: Rio de Janeiro's Flawed Emergence as a Smart City // *Journal of Urban Technology*. 2016. Vol. 25, № 3. P. 47-64.
- [11] Greenfield, A. *Against the Smart City. Do Projects*: New York. 2013.
- [12] Hollands R. Will the Real Smart City Please Stand Up? // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. 2008. Vol. 12, № 3. P. 303-320.
- [13] Keen A. *The Cult of the Amateur: How Today's Internet Is Killing Our Culture*. Currency. 2007.
- [14] Kitchin R., Dodge M. The (In)Security of Smart Cities: Vulnerabilities, Risks, Mitigation, and Prevention // *Journal of Urban Technology*. 2019. Vol. 26, № 2 P. 47-65.
- [15] Komninos, N. *Intelligent Cities and Globalisation of Innovation Networks*. Routledge. 2008.
- [16] Lazzarato M. *The Making of the Indebted Man: An Essay on the Neoliberal Condition*. Semiotext(e). 2012.
- [17] Morozov E. *To Save Everything, Click Here: the Folly of Technological Solutionism*. New York: Public Affairs. 2013
- [18] Ranchordas S. Nudging citizens through technology in smart cities // *International Review of Law, Computers & Technology*. 2019. Vol. 33
- [19] Shelton T., Lodato T. Actually existing smart citizens // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. 2019. Vol. 23, № 1. P. 35-52.
- [20] *Smart urbanism. Utopian vision or false dawn?* Routledge. 2015
- [21] Soderström O., Paasche T., Klauser F. Smart cities as corporate storytelling // *City: analysis of urban trends, culture, theory, policy, action*. 2014. Vol. 18, № 3. P. 307-320.
- [22] Thoburn N. *Deleuze, Marx and Politics*. Routledge. 2003.
- [23] Vanolo, A. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy // *Urban Studies*. 2014. Vol. 51, № 5 p. 883–898.
- [24] Zarum L. #BlockSidewalk's War Against Google in Canada // *Nation*. URL: <https://www.thenation.com/article/google-toronto-sidewalk-gentrification/> (access date: 28.04.2019).
- [25] Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. PublicAffairs. 2019.